

РЕЦЕПЦИЯ ГОГОЛЯ И ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИИ

В последней главе первого тома «Мертвых душ» возникает известное обращение автора к *Руси*: «Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу: бедно, разбросанно и неприятно в тебе; не развеселят, не испугают взоров дерзкие дива природы, венчаные дерзкими дивами искусства <...> Открыто-пустынно и ровно всё в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря и до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? Какие звуки болезненно лобзают и стремятся в душу и вьются около моего сердца? Русь! Чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и чем всё, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?.. И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онемела мысль перед твоим пространством. Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему? И грозно объемлет меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубине моей; неестественной властью осветились мои очи: у! какая сверкающая, чудная, незнакомая земле даль! Русь!..»

Не хотелось перебирать различные интерпретации этих строк, этого несколько вызывающего и, во всяком случае, совершенно особенного чувства сопричастности автора и предмета его описания. Зададимся лишь вопросом о той сущности, которую Гоголь называет словом *Русь*? Что это?

Чем это описание отличается от финального, когда вновь появляется подобное обращение: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несёшься? <...> Русь, куда ж несешься ты? дай ответ». В свое время, пятнадцать лет назад, я уже рассматривал *вектор движения Руси*, согласно художественному замыслу Гоголя¹.

Как представляется, пространственная горизонталь тела России («ровнем-гладнем разметнулась на полсвета»), преодолевая апостасию — в символе Руси-тройки, должна преобразиться в соборную духовную вертикаль. Именно это преобразование и

¹ См.: Есаулов И.А. Тернарная структура «Мертвых душ» и православная традиция (Проблема преодоления апостасии) // Микола Гоголь і світова культура: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 185-річчю з дня народження письменника). Київ-Ніжин, 1994. С. 86-87.

изображается в финале «Мертвых душ». Именно оно и является тем «Божьим чудом», о котором говорится в этом финале. Но это «чудо» имеет отчетливый пасхальный смысл и опирается на православную духовную традицию, согласно которой Русь, «вся вдохновенная Богом», оттого и является необходимым для мира «удерживающим», что вектор ее «пути» как Божий замысел о России («дают ей дорогу другие народы и государства») - это идеал святости (*святая Русь*).

Согласно этой логике, в финале «Мертвых душ» происходит пасхальное чудо воскресения «мертвого душою» центрального персонажа гоголевской поэмы. Его нельзя «позитивистски» *объяснить*, ибо остается непроясненность тайны, но можно *понять*, однако такое понимание непременно сопряжено с *верой* в чудо воскресения. Финальное вознесение Чичикова возможно точно так же, как и воскресение русского народа: ведь пасхальность России в «Выбранных местах...» соседствует с убеждением, что «никого мы (русские. - *И.Е.*) не лучше, а жизнь еще неустроенней и беспорядочней всех... “Хуже мы всех прочих” - вот что мы должны всегда говорить о себе». Но осознание греховности в итоге приводит к ее преодолению, когда оказывается возможным «сбросить с себя все недостатки наши, всё позорящее высокую природу человека», когда - во время пасхального торжества - «вся Россия — один человек». Именно поэтому я и делал вывод, что структура «Мертвых душ» и структура «Выбранных мест из переписки с друзьями» имеет пасхальную основу, которая определяет и их поэтику. В этом же ключе понимается мною и финал «Ревизора», когда — подлинный Ревизор — должен явиться в душе зрителей уже *после* того, как занавес опустился. Явление этого Ревизора призвано способствовать духовному воскресению зрителей гоголевской пьесы — после их «окаменения» вместе с героями произведения.

В этой же работе хотелось бы поставить другой вопрос. Хотим мы или не хотим, подобная позиция, которую я тезисно обозначил выше, предполагает совершенно определенный вектор движения и России-Руси в целом: от смерти — к воскресению.

Поэтому необходимо разобраться в этом парадоксе. Где та *Русь*, которую подразумевал Гоголь? Ясно, что в данном случае невозможно говорить о чисто духовной сущности. Ведь речь в «Мертвых душах», помимо прочего, идет и об особом *пространстве*: «от моря и до моря», о *положении* автора по отношению к этому пространству - «вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека». Можно было бы указать и на другие подобные же маркеры, не позволяющие некорректно сублимировать эту *Русь*, но ограничимся и этими.

Одновременно нельзя свести эту *Русь* лишь к так называемой «гоголевской России», тем более, к «николаевской России». Нет, это просто Россия, Россия как таковая,

как *Русь*. Но, в то же время, именно Россия, а не что-либо другое, вместо России.

Где же она, эта Россия как таковая? В каком отношении, например, она относится к нынешней Российской Федерации? Мы обязаны ставить такие вопросы, хотя бы исходя из самой элементарной герменевтической установки. Мы не можем поместить себя — даже если бы весьма желали этого — в пространство *гоголевской* России. Мы вынуждены исходить в нашем понимании, в нашей рецепции, из той незаместимой позиции в мире, которая дана нам в нашем собственном бытии, здесь и сейчас, в нашем здесьбытии, говоря по-хайдеггеровски.

Так вот, при подобной установке придется признать, что нынешняя Российская Федерация не является, так сказать, *вполне* Россией. Ни юридически. Ни фактически. Нынешняя Российская Федерация имела возможность исторического самоопределения. Как имели возможность подобного самоопределения страны Восточной Европы. Российская Федерация выбрала при этом *советскую* линию преемства. Не будем сейчас это оценивать. Однако в таком случае на *русское* культурное наследие в *равной* степени, помимо Российской Федерации, могут претендовать, во всяком случае, Украина и Белоруссия. Фактически, Российская Федерация на сегодняшний день является не только юридическим преемником Советского Союза, но и самой большой территориально его частью. Однако по отношению к *исторической* России Российская Федерация является только лишь самой большой из ее частей.

Насколько важно подобное самоопределение можно продемонстрировать хотя бы на следующем примере: последняя война, которую вела императорская Россия, была Первая мировая. Во всех европейских странах, кроме бывшего Советского Союза, а теперь Российской Федерации, *в равной степени* чтится память *и* Первой мировой *и* Второй мировой. И лишь только у нас, в Российской Федерации, одна война так резко возносится над другой. Поневоле выходит какая-то логическая нелепость: одна война, именно та, которую вела Россия, — для нас как будто «чужая», а та война, которую вёл Советский Союз, а не Россия, - для нас как будто вполне «своя».

В общественном сознании совершенно определено иерархия именно такова. Возможно, потому, что имеется какой-то смутное чувство предательства по отношению к исторической России, ведь, в сущности, воспользовавшись этой войной, была именно убита Россия. В разгар Первой мировой войны была развязана – против собственного народа – война Гражданская. Тем самым люди, эти люди, развязавшие Гражданскую войну, ради своей собственной власти лишили победы Россию, исключив ее своей злой волей из числа стран-победительниц. Нетрудно догадаться, как к подобному предательству отнеслись бы Пушкин, Гоголь, Достоевский, живи они в XX веке.

Ясно, что та *Русь*, о которой писал Гоголь, - это не атеистический Советский Союз, сокрушавший саму христианскую гнилицу России и, как уже подчеркивалось, вовсе не Российская Федерация, которая совершенно спокойно себя чувствует, скажем, без Украины (Малороссии) и Белоруссии. Но где же тогда находится, если можно так сказать, *сама* Россия? Не «николаевская Россия», не Российская Федерация как часть, хотя и самая большая часть, Советского Союза, а Россия? Именно Россия?

Ее в настоящий момент не существует на земле. Она умерла. Или убита. В данном случае важнее осознать факт, нежели искать причину. И, по-видимому, стоит признать эту очевидность. Всякий иной ответ на этот вопрос отсылает к чему-то другому, но не к России, не к ее сущности.

Однако этот ответ еще не должен, как представляется, ввергать нас в совершенное уныние. Это лишь честный ответ на корректно сформулированный вопрос. Но следует помнить и то, что Воскресения без Смерти, увы, не бывает.

В сущности, как представляется, известные розановские инвективы в адрес Гоголя не были поставлены еще в правильный контекст понимания. Да, мы можем сказать, что всеми своими главными произведениями Гоголь словно бы предугадал Гибель той реальности, которую мы и называем Россией. Не приблизил своими произведениями эту Смерть, как полагал Розанов, но угадал ее приближение.

Однако, как уже было сформулировано выше, одновременно с этим присутствует и пасхальное воскресение России. Этот вектор движения также задан самой структурой гоголевских текстов.

Если, не слишком цепляясь за советское наследие, мы признаем эту Гибель России всерьез, а не только как художественную метафору, мы только и можем получить шанс на ее воскресение.

Мы сегодня живем совсем не в России, которая так очаровывает нас в гоголевских произведениях, да и вообще в русской классической литературе, а в Российской Федерации, осколке Советского Союза. Нужно отдавать себе в этом трезвый отчет. Однако этот осколок может двигаться по самым причудливым духовным и геополитическим траекториям. Мне представляется, что всем, кто считает себя частью русской культуры, вне зависимости от национальности, конфессиональных и прочих предпочтений, вне зависимости от того, является ли человек, так сказать, «западником» или «славянофилом» (не нужно, надеюсь, после вышеизложенного объяснять, почему эти слова поставлены мною в кавыки), следует задать и поддержать совершенно определенный вектор движения: от РФ-ии – к *России*.

Одновременно это еще и рецептивная задача нас - как читателей Гоголя. Мы, как

читатели, также должны трезво осознать и мужественно принять, увы, и другое: то, что мы — вместе с Россией — *уже* являемся «мертвыми душами». Хотя бы потому осознать, что без подобного осознания мы не сможем испытать последующей пасхальной радости.

(Опубликовано: **Десятые Гоголевские Чтения: Н.В. Гоголь и его творческое наследие. Юбилейный выпуск. М., 2010. С. 68-72.**)